

Вырезка из газеты КОМСОМОЛЕЦ

№ 7. ноя 1975...

г. Ростов-на-Дону Газета № ...

НЕДАВНО доцент Ростовского университета Е. А. Корнилов показал мне уникальную, никогда не печатавшуюся фотографию: юный очеркист газеты «Трудовой Дон» Николай Погодин среди членов трибунала, разбиравшего где-то в степном хуторе дела кулаков — злостных укрывателей хлеба. И вспомнился рассказ самого Николая Федоровича, которому было в ту пору (вышел тысячный номер «Трудового Дона» — «Молота») 24 года:

«...Не успели выехать за Дон, как нас обстреляли.

— Карабины к бою! — командует энергичный комиссар.

Ложусь в общую цепь.
— По бандитам залпом... пли!

Кое-как добрались. Но вот беда: прокурор не прибыл. Процесс над кулаками срывается.

— Слушай, Погодин, — говорит комиссар Вольнер. — Ты будешь обвинителем.

— Есть быть обвинителем.

Дисциплина!
А с процесса снова в Ростов. Жив! Цел! Только руки чуток приморозил да со щек кожа лезет. Прибегаю в редакцию, а там затынута не дают.

— Немедленно в набор. Садись диктуй. Давай...»

Н. Погодин пришел в большевистскую печать Дона, когда, по его же словам, только-только «прорвался тихий геморроидальный газетный мирок, с крахмальными людьми — в очках, закрипел под напором весны двери строгих редакций, и ворвался в редакцию новый журналист: «С завода!». Тогда, в начале 20-х годов, молодой ростовский газетчик и не помышлял о славе драматурга, которая его ждала уже в годы первой пятилетки и достигла своего «зенита» после создания трилогии о В. И. Ленине. Но совершенно ясно, что театром Погодин интересовался и в юности. Более того, комсомольский театр Ростова и газета «Молодежь Дона» (так назывался в те годы наш «Комсомолец») дали Погодину возможность выступить с первой большой работой, о которой исследователи погодинского творчества, как правило, не упоминают.

Что же это за работа? Как случилось, что молодежная газета и молодежный театр стали своеобразной стартовой площадкой выдающегося драматурга?

В начале декабря 1923 года подписчики «Молодежи Дона» недоуменно пожимали плечами: газета из номера в номер публиковала фантастическую повесть «Таинственное вознесение трех комсомольцев на Марс». Автора — Николая Погодина на Дону к тому времени хорошо знали. Очеркист, фельетонист, театральный рецензент — и нате вам, «ударился» в фантастику! Может, позавидовал лаврам Алексея Толстого с его «Аэлитой» или Илье Эренбургу, прогремевшему книгой «Трест Д. Е.»?

Влияние романа Эренбурга вполне ощутимо сказывается в стиле и построении погодинской газетной повести. «Трест Д. Е.», по авторскому признанию, это «...история гибели Европы в результате деятельности американского треста. Это сатира; я мог бы ее написать и сейчас с подзаголовком — «Эпизоды третьей мировой войны» (из мемуарной книги И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»).

А вот что происходит в забытой погодинской повести. Три ростовских комсомольца — Никита Гудзий, Раздоров и Петька Глаз попадают на Марс. Каким образом? Автор пишет: «...Будем терпеливы. Все постепенно выяснится». Погодин технические детали «вознесения» были самому не ясны. Зато он совершенно точно знал: главной силой, движущей сюжет, является неприятие комсомольцами той классовой структуры, которая ими обнаружена на этой планете.

Затаив дыхание, сжав кулаки от ненависти к инопланетным буржюам, читатели «Молодежи Дона» волновались за трех отчаянных героев повести:

«В тот самый день, когда наши комсомольцы вознеслись на Марс, «Первый Союз трестов» объявил войну «Второму Союзу» с целью захватить всю его территорию, а затем и весь Марс... Два грозных колосса, простирающие свои лапы к соседним планетам, вступили в бой.

...В городах никто не выходил на улицу.

МОЛОДЕЖНАЯ ГАЗЕТА И МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР СТАЛИ СВОЕОБРАЗНОЙ СТАРТОВОЙ ПЛОЩАДКОЙ ДРАМАТУРГА, КОТОРЫЙ 52 ГОДА НАЗАД СДЕЛАЛ

ПЕРВЫЙ ШАГ К ВЕРШИНЕ

К 75-летию Н. ПОГОДИНА И ПРЕДСТОЯЩЕМУ
ВЫХОДУ 10.000 НОМЕРА «КОМСОМОЛЬЦА»

Народ молился. Полиция следила за соблюдением порядка, установленного правительством.

И эта-то полиция поймала у канала Никиту Гудзия и Раздорува.

Их поймали гуляющими в то время, когда все молилось. Это означало нечто совсем невероятное в государстве «1-го Союза трестов». Это было невозможно, немыслимо! Это пахло тем, что у нас называется революцией.

...Комсомольцы не умели говорить по-марсиански и были очень странно одеты. Полиция приняла их за шпионов «2-го Союза трестов», нарочито в таком виде подосланных и притворяющихся в незнании языка. Полиция, конечно, не могла допустить мысли, что эти люди прилетели с неведомой планеты Земли...

Никита Гудзий и Раздоров были брошены в куполообразное небольшое здание, совершенно темное и пустое. Не знали, ночь ли продолжается, наступил ли день. Не знали, что полиция в ответ на свое сообщение о поимке шпионов получила ответ по марсианскому радио.

— Амма.

Что в переводе на русский язык означает:

— Убить!

Рискуя жизнью, комсомольцы вступают в борьбу с капиталистами Марса. Этот пафос неприятия системы, уже уничтоженной на родине героев погодинской повести, был близок читате-

лям «Молодежи Дона». Увлёк он и режиссера комсомольского театра Михаила Большинцова.

В печати того времени почти не сохранилось материалов о работе столь примечательного театра. Лишь много лет спустя о нем рассказал Михаил Блейман, известный кинокритик и сценарист.

В молодости, проведенной в Ростове, он «переболел» всеми модными литературными течениями. «Наши поэтические вечера обычно заканчивались скандалами, причем мы бы считали их несостоявшимися и неудачными, если бы скандалов не было», — вспоминал М. Блейман о выступлениях ростовских ничеговиков, футуристов и имажинистов. Блейман некоторое время спустя стал свидетелем начала работы комсомольского театра, и его воспоминания дают возможность хорошо представить спектакль, обязанный своим появлением на свет фантастической повести Н. Погодина. Спектакль «Комсомольцы на Марсе» напомнил Блейману «Мистерио-буфф» в постановке Вс. Мейерхольда. «В их самодельной пьесе и спектакле был тот же, что у Маяковского, пафос революционного преобразования мира. Актеры естественно и удивительно искренне «жили» на сцене, своей непосредственностью они заставляли стать правдивыми условные и наивные ситуации пьесы, делали невероятное вероятным», — писал М. Блейман в кни-

ге «О кино — свидетельские показания».

Благодаря воспоминаниям М. Блеймана мы знаем сегодня о той атмосфере комсомольского товарищества, в которой создавался и работал первый молодежный театр донской столицы. Ему было выделено помещение на оконечности главной аллеи нынешнего городского парка имени М. Горького. Это двухэтажное здание называлось «ропондой» и имело довольно продолжительную историю: в разные годы здесь размещались различные учреждения. «В двадцатом году, — вспоминал М. Блейман, — здание заняли комсомольцы и устроили в нем клуб... Большой, похожий на сарай зал со скамейками вместо стульев и кресел, примитивная сцена с тряпичным занавесом, буфетная комната и еще несколько казарменного вида помещений — вот и все».

Спектакль М. Большинцова «Комсомольцы на Марсе» стал свидетельством его несомненного, режиссерского таланта. Правда, вскоре М. Большинцов, М. Блейман и их друзья по Комсомольскому театру становятся ревностными сторонниками молодого вида искусства — кино. Был организован ростовский «Кинокомсомол», снимавший фильмы, демонстрировавшиеся на всероссийском экране. Много лет спустя М. Блейман как сценарист принимал участие в создании знаменитого фильма «Подвиг разведчика», а М. Большинцов вошел в историю советского киноискусства прежде всего как один из авторов сценария фильма «Великий гражданин». Но вернемся к спектаклю «Комсомольцы на Марсе». К первому спектаклю «по Погодину».

«Занавеса не было, — писал М. Блейман. — Не было и декораций. На сцене стояли деревянные кубы и лестнички. По ходу действия они становились столами и стульями, тронами королей, горами, повернутыми тыльной стороной — пещерами. По ним карабкались, на них танцевали и произносили захватительные монологи. Актеры в косоворотках, сандалиях и бумажных брюках переставляли декорации и разыгрывали чудесную историю о том, как группа ростовских комсомольцев, уз-

нав, что на Марсе деспоты угнетают простой народ, отправляется туда и берет на себя руководство марсианской революцией...»

Именно это и делают на Марсе герои погодинской газетной повести Петька Глаз, Никита Гудзий и Раздоров. У Погодина о них сказано так: «Физически очень малыми наши комсомольцы отличались от жителей этой части Марса. Здесь жила белая раса, и люди ее только своим крупным ростом отличались от жителей белой расы Земли». А вот что сказано по этому же поводу у М. Блеймана: «Не помню, чем отличались марсиане от земных обитателей, не помню и перипетий напряженной и кровавой борьбы, которая изобиловала «кульбитами», «флик-флятами» и «сальто-морта-ле» (обитатели Марса, несомненно, увлекались партерной акробатикой)».

Вполне можно допустить, что на сцене Комсомольского театра не было убедительных характеров, что там действовали «социальные маски», но, подчеркивает М. Блейман, «нужно... отнестись к этому зрелищу так, как оно заслуживает. Нужно понять комсомольского зрителя начала двадцатых годов и вместе с ним поверить, что дело революционного преобразования нашей планеты — вопрос месяцев и дней — что пришла пора решить вопросы революционной практики в пределах всей Солнечной системы. Тогда станет ясно, почему ростовские комсомольцы, жители города, в котором был отличный по тому времени профессиональный театр, предпочитали свой, «комсомольский».

Так состоялся драматургический дебют лауреата Ленинской премии Николая Федоровича Погодина. Впереди была работа в «Правде», впереди были первые пьесы о героях первой пятилетки — «Темп», «Поэма о топоре», «Мой друг»... Но молодость, проведенная в Ростове, не забывалась, и много, много лет спустя Погодин скажет с грустью и радостью: «Два города кладут на человека неизгладимую печать, которую невозможно подделать, — Одесса и Ростов. Сия печать лежит и на мне...»

Юрий НЕМИРОВ.